

А.В. Лукин

Центр иссл. Вост. Азии и ШОС МГИМО(У) МИД РФ

**От марксизма к либерализму
(эволюция взглядов старшего поколения
сторонников демократического
движения в КНР)**

«Люди – единственный подлинный объект истории», – писал выдающийся французский историк Л. Февр, имея в виду не абстрактного, а конкретного человека, живущего в определённых социальных, культурных, временных обстоятельствах [9, с. 25–26]. А если так, кто может дать больше информации об этих обстоятельствах, чем сам человек? И это даёт нам, изучающим недавнюю историю, огромное преимущество – возможность говорить с участниками событий.

В данной работе в качестве основного источника использованы интервью, взятые автором в различное время, как в КНР, так и за её пределами, у известных китайских критиков режима, относящихся к старшему поколению. Это пять известных представителей китайской интеллигенции: популярный шанхайский публицист Ван Жован; журналист, долгое время занимавший должность заместителя главного редактора газеты «Жэньминь жибао» Ван Жошуй; историк и философ Го Лоцзи; публицист Лю Биньянь и марксистский философ Су Шаочжи. В работе использовались также их опубликованные произведения. Несмотря на различия в возрасте и жизненном пути, их многое объединяет. Все они начали жизненный путь как активные и сознательные сторонники КПК, все подвергались критике и репрессиям за активную поддержку политики партии в период проведения различных политических кампаний, все с энтузиазмом восприняли начало реформ в конце 70-х годов XX века и приобрели в их ходе большую известность благодаря своей деятельности и публикациям и, наконец, все были вновь подвергнуты репрессиям за чрезмерную активность и выход за рамки дозволенного. Автор благодарен этим выдающимся людям, многие из которых, к сожалению, не дожили до сегодняшнего дня, за согласие поделиться мыслями и соображениями о своей жизни и судьбе Китая.

© Лукин А.В., 2010

Описывая эволюцию взглядов своих единомышленников, Го Лоцзи отмечал: «Большинство из тех в Китае, кто осмеливается придерживаться взглядов, отличных от взглядов компартии, вышли из её рядов... Внутрипартийные диссиденты – это группа представителей интеллигенции, разделяющих демократическую идеологию и дух гуманизма. Наибольшим влиянием пользуются старые члены партии. Некоторые из них вступили в партию в 30-е годы, я и некоторые мои друзья – в 40-е. Хотя наши жизненные пути различались, мы прошли общий процесс идейного развития. Мы занялись революционной деятельностью и вступили в компартию, потому что были против недемократического правления Гоминьдана. После прихода к власти компартии, мы испытали на себе её недемократическое правление. Мы посвятили себя борьбе за новую систему, и никак не могли представить, что она обернется против нас... Руководители не выносили других мнений, но, чем больше они давили на нас, тем крепче становились наши взгляды. Из верных членов партии мы превратились во внутрипартийных оппозиционеров. Когда партия перестала мириться с оппозицией и изгнала нас, мы стали внепартийной оппозицией. Так партия сама поэтапно сталкивала нас на диссидентскую дорогу, создавая одну за другой диссидентские группы своих противников» [12, с. 1–2].

Изучение взглядов этих активистов позволяет сделать интересные выводы о восприятии различных этапов развития КНР ее интеллектуальной элитой, о характере, моделях и механизмах эволюции политической культуры КНР, по-новому взглянуть на некоторые устоявшиеся объяснения громких политических событий в этой стране.

Причины прихода к КПК

Все китайские интеллектуалы, о которых идёт речь в данной работе, сделали сознательный выбор в пользу КПК в молодом возрасте, там и тогда, где и когда этот выбор был опасен, а сама КПК находилась на нелегальном положении.

Ван Жован родился в 1918 г. в деревне, в уезде Уцзинь пров. Цзянсу. В 1933 г. он вступил в объединение левых писателей и в комсомол, был арестован за антиправительственную деятельность и приговорён к 10 годам тюрьмы. Отбыв в заключении 4 года и 3 месяца, вышел на свободу и переехал в Яньань, где вступил в КПК. Ван Жошуй родился в 1926 г., в 1946 г. поступил в Пекинский университет, где присоединился к прокоммунистической молодёжной группе «Клич», названной по произведению Лу Синя¹. В 1948 г. тайно вступил в КПК. Го Лоцзи родился в 1932 г. в городе Уси пров. Цзянсу. В 1948 г. там же вступил в подпольную молодёжную организацию КПК. Лю Биньянь родился в 1925 г. в Чанчуне, но вскоре переехал в Харбин, где ещё в школе вошёл в кружок по изучению марксизма, а в 1943 г. в Тяньцзине вступил в прокоммунистическую Федерацию борьбы с японской оккупацией. В 1944 г. вступил в КПК на контролируемой коммунистами территории (Сибайпо). Су Шаочжи родился в 1923 г. в Пекине. Учился в Нанькайском университете в Тяньцзине, где был близок к прокоммунистическим молодёжным организациям. В 1949 г. получил

работу в Фуданьском университете и переехал в Шанхай. В партию вступил уже в 1953 г.

Хотя режим как на территориях, оккупированных японцами, так и подконтрольных Гоминьдану, был не таким уж жёстким (за исключением Ван Жована никто не подвергся серьёзным репрессиям), всё же коммунистическая деятельность грозила большими неприятностями. Тем не менее, из имеющихся материалов становится ясно, что в тот период выбор в пользу КПК был естественным для многих представителей китайской молодежи. Причём причиной тут были не марксистские тонкости её программы, с которой большинство не было знакомо, но три ясных представления, которые тогда витали в воздухе:

1. КПК морально чиста, в то время как Гоминьдан крайне коррумпирован.
2. КПК выступает за демократию, в то время как Гоминьдан установил диктатуру.
3. КПК является более эффективной силой в борьбе с японской оккупацией и империализмом в целом.

Именно благодаря своей убеждённости в этих трёх истинах все интервьюируемые пришли к уверенности в том, что будущее – за коммунистами.

О том, что революционный радикализм витал в воздухе, что революция – единственный путь спасения страны, хорошо рассказал Лю Биньянь, молодость которого прошла в зоне японской оккупации: «Я с детства, с 12–13 лет стал интересоваться обществом, интересоваться политикой. Причиной тому были исторические обстоятельства. В то время уже шёл 1938 год, немцы уже вторглись в Чехословакию, вот-вот должна была начаться Вторая мировая война. Харбин уже несколько лет находился под японской оккупацией, которая началась в 1931 году. Японцы пришли, когда мне было 6 лет. Когда мне исполнилось 12 лет, они вторглись в Северный Китай. Иностраннный агрессор, война в Европе, прибавьте сюда ещё и захватившее всё общество неравенство, расслоение между богатыми и бедными, классовые противоречия. Всё это оказывало сильное влияние при размышлениях о путях развития Китая. И сейчас я по-прежнему считаю, что тогда, в Китае 30-х годов путь реформ ни к чему не привёл бы. Как проводить реформы, когда страна находилась под властью Японии и Гоминьдана? Это было невозможно. Поэтому сторонники различных реформ терпели поражение один за другим. Так мы уже с малых лет считали, что такой путь неэффективен, что обязательно нужно идти революционным путём» [4].

Из всех радикальных организаций, предлагавших этот путь, наиболее авторитетной, мощной и уважаемой казалась КПК. Это представление складывалось из ряда факторов. Во-первых, КПК шла по пути российских большевиков, которые, по общему убеждению, уже осуществили успешную революцию и строили в СССР свободное и справедливое общество. Так, по словам Лю Биньяня, «Октябрьская революция также оказала большое влияние. Если говорить обо мне, то мой отец в 1914 году во время Первой мировой войны поехал в Россию. Китай ведь тогда отправлял своих солдат и рабочих на войну. Отец провёл в России около

6–7 лет, в 1921 году вернулся домой и рассказывал мне о том, какая хорошая была Октябрьская революция – нет ни бедных, ни богатых; какой хороший Ленин. Поэтому с малых лет я уже впитал мысль о том, что общество в России является справедливым, к тому же надо учесть влияние российской культуры... Стало понятно, что революция может быть удачной, что социализм может успешно реализоваться. Здесь хорошо и верно сказал Мао Цзэдун: „Октябрьская революция была выстрелом из пушки“. Она помогла идеям марксизма распространиться в Китае» [4].

Во-вторых, КПК представляла себя не только как наиболее радикальную и реальную силу, по сравнению с которой прочие мелкие партии казались слабыми и непоследовательными, но и организацию, предлагавшую демократическую альтернативу прогнившему диктаторскому режиму Гоминьдана. Характерен здесь рассказ Го Лоцзи: «В 40-е годы я участвовал в подпольной организации компартии. В то время я ещё ходил в школу. Тогда в центре политической сцены Китая было противостояние компартии и Гоминьдана. Хотя некоторые движения выбирали „срединный путь“, в действительности его не существовало. Движения, провозгласившие в своё время так называемый „срединный путь“, потом либо примкнули к Гоминьдану, либо к компартии, так как в условиях жестокой политической борьбы в Китае невозможно было идти „срединным путем“. Можно было либо выступать заодно с Гоминьданом, либо с компартией. Гоминьдан на тот момент олицетворял взяточничество и мрак. В то же время компартия противостояла Гоминьдану и заручилась поддержкой народа. Компартия в то время выступала не с коммунистических позиций, а с демократических. Она исповедовала демократию. Тогда районы под управлением компартии называли освобождёнными районами. В них было действительно намного более демократическое устройство, чем в районах под управлением Гоминьдана. Поэтому очень много молодых в среде интеллигенции покинули города и направились в освобождённые районы, чтобы участвовать в революции под руководством компартии... Но главная причина состояла в том, что взяточничество и безысходность, причиной которых был Гоминьдан, заставили молодых интеллектуалов почувствовать, что у Китая нет будущего, и чтобы с этим справиться, необходимо свергнуть правление Гоминьдана. В то время в состав компартии входили наиболее выдающиеся молодые интеллигенты, достаточно высокого морального облика, которые прилично учились, были патриотами и мечтали всё, что у них было, отдать компартии» [3].

Сравнивая КПК своей молодости с нынешней, Го Лоцзи пытается объяснить свой тогдашний выбор в пользу КПК так: «В то время компартия была совершенно не похожа на сегодняшнюю. Это не нынешняя КПК, которая вся погрязла в коррупции. В то время компартия отставала демократию, в ней существовал соответствующий настрой. Поэтому её нельзя рассматривать с сегодняшних позиций. Люди, которые не разбираются в истории, постоянно спрашивают, зачем нужно было участвовать в работе компартии, ведь у неё столько отрицательных моментов. Мы были членами не нынешней компартии, это был выбор, сделанный в другую историческую эпоху. Поэтому если верно то, что я сегодня выступаю

против компартии, то верно было и то, что тогда вступил в компартию. В то время компартия представляла собой светлый путь, а Гоминьдан – мрак. Проблема состоит в том, что компартия, добившись политической власти, увязла в коррупции» [3].

Ван Жован так ответил на вопрос о причинах вступления в комсомол: «Я вступил в комсомол при подпольной партии, когда ещё работал учеником на заводе. В то время было две причины. Первая – я был против империализма. А вторая – я мечтал о демократическом обществе» [1]. На те же причины популярности КПК до и сразу после прихода к власти указывает и Су Шаочжи: «Перед революцией в правительстве Чан Кайши была сильна коррупция. Все знали о злоупотреблениях четырёх кланов, близких к Чан Кайши, о том вреде, который они нанесли китайскому народу. В то время все студенты были настроены против Чан Кайши. На самом деле они могли и не принадлежать к КПК, но выступали против голода, правонарушений. Так думали все в учебных заведениях. Тогда выступать против Чан Кайши означало поддерживать коммунистов. В то время компартия выступала с новыми демократическими идеями. Мао Цзэдун говорил о новой демократии..., о том, что этот новый тип демократии является по сути... тремя народными принципами Сунь Ятсена, демократическим строем Авраама Линкольна. Так говорил Мао Цзэдун. Потом, после победы Мао это всё пропало. Но тогда мы, молодые студенты считали, что Мао Цзэдун боролся за демократию, многие так считали. В то время, хоть я и не был в Яньани, но был связан с подпольными коммунистическими организациями. Я считал, что все они являются сторонниками демократии» [5].

По словам Су Шаочжи, после мирного освобождения Пекина и Тяньцзиня «компартия в университете Циньхуа в Пекине организовала учебную группу из выпускников. В ней было достаточно много студентов, руководить ею направили компетентных чиновников. В то время руководители были очень демократичными и скромными, выступали с правильных позиций, никогда не брались за палки и не швыряли стулья. В то время в КПК очень большое внимание уделяли преподаванию, тогда все преподавали. В итоге часть молодых людей действительно поверила в коммунизм, он был не только демократичен сам по себе, но импонировал и стиль работы компартии, коммунисты обладали высоким культурным уровнем. Очень многие тогда поддерживали КПК. Сейчас же многие считают коммунистов лжецами. Однако в то время очень многие мои однокурсники поддерживали компартию, в том числе и я. Чем дальше, тем больше я вставал на сторону компартии. После образования КНР стало очень заметно, как исчезли все злоупотребления времён Чан Кайши. Не стало проституток, азартных игр, они на самом деле исчезли. Жизнь народа действительно изменилась. Очень быстро остановилась инфляция. Поэтому народ всё больше верил компартии» [5].

Источники первоначальных коммунистических убеждений

Все интервьюируемые указали на одинаковые источники своих коммунистических симпатий и взглядов. Во-первых, это прокоммунистическая и левая пресса и литература, которая фактически свободно распространялась

как в зоне японской оккупации, так и в районах, контролировавшихся Гоминьданом. Во-вторых, большую роль играло личное общение с коммунистическими и прокоммунистическими активистами, которые, хотя и подвергались некоторым репрессиям, более или менее жёстким в зависимости от периода и региона, в целом действовали довольно свободно. Показательно, что Ван Жован изучал левую литературу даже в гоминьдановской тюрьме. Именно там он прочитал работы К. Маркса [1]. Проживавший на территории, оккупированной Японией (точнее, в марионеточном государстве Маньчжоу-го) Лю Биньянь рассказал, что свободно читал марксистскую литературу, которая распространялась в прокоммунистическом молодёжном кружке [4].

По словам Ван Жошуя, до поступления в 1946 году на философский факультет Пекинского университета, он в основном читал «демократические», то есть левые журналы: «Антаяпонская война закончилась как раз, когда я заканчивал школу. В то время выходило очень много демократических журналов, в которых печатались продемократические статьи. Это оказало на меня очень большое влияние. В них критиковался Гоминьдан и его коррумпированность. Это очень сильно на меня повлияло» [2].

Согласно Ван Жошуйю, попытки Гоминьдана контролировать печать были безуспешными: «Он хотел контролировать, но не мог, не было такого жёсткого контроля, как при КПК. Кроме того, в то время было очень много демократических течений, действовала и КПК. В большинстве журналов вели тайную работу члены КПК. Также были и члены демократических движений, вроде Демократического Союза. Это были профессора, писавшие статьи, которые оказывали очень большое влияние... Они критиковали Гоминьдан... Первый пункт, по которому они критиковали Гоминьдан, была коррупция. Второй – узурпация власти, диктатура» [2].

Как и Лю Биньянь, Ван Жошуй не просто читал, но и действовал, искал сторонников для «патриотической» работы и довольно быстро нашёл коммунистических активистов, под влиянием которых его общедемократические убеждения привели его к подпольной коммунистической работе: «Именно в то время я и решил поступать в Пекинский университет. Я задался целью обязательно туда поступить, поскольку он был колыбелью Движения 4 мая... в итоге меня приняли. Я туда приехал и первым, что я сделал по прибытию в Пекин, – встретился со студентками, которые подверглись насилию со стороны американских солдат... Желая выдворить американцев из страны, я сразу же присоединился к революционной борьбе. Наш отряд назывался „Клич“... По сути это было объединение под руководством КПК. Впоследствии я участвовал в забастовках и демонстрациях, читал марксистские труды и работы Мао Цзэдуна. Таким образом, я постепенно развивал свои идеологические представления. Вместе со студентами проникался идеями марксизма. Далее в 1948 году я тайно вступил в ряды КПК..., в подпольную организацию» [2].

За что боролись?

Согласно всем интервьюируемым, основное недовольство в существующем порядке вещей у них вызывала коррупция, социальная

несправедливость, засилье иностранцев и их неуважение к китайской нации («империалистическая политика»), и авторитарный характер гоминьдановского режима. Лю Биньянь, например, так описывает обстановку в Харбине в период Маньчжоу-го: «В Харбине проживало много капиталистов. В 1931 г., когда в шесть лет я приехал в Харбин, японцы уже захватили этот город, но китайские предприниматели всё равно свободно могли зарабатывать деньги. Они вели очень весёлую жизнь. Нельзя было сказать, что японцы захватили город, их было почти не видно, кругом были китайцы. Японцы использовали местных жителей для управления страной – у власти стояли изменники Родины, продажные чиновники, фальшивая полиция. Даже после образования Маньчжоу-го все эти китайцы свободно проворачивали свои дела, открывали заводы, магазины, занимались куплей-продажей. В общем, были довольны жизнью». Сам же Лю Биньянь был «недоволен тем, что было много бедноты... множество людей умирало... не только от голода, но и от холода. Умерших на следующий день увозили машинами одна за другой. В то время мой отец потерял работу» [4].

Недовольство недостатком политических свобод как на оккупированной территории, так и в провинциях, подконтрольных Гоминьдану, приводило к мысли о необходимости демократии, представление о которой, впрочем, было весьма туманным. Так Го Лоцзи говорил: «В то время демократия означала противоположность узурпации власти одной партией, которой был Гоминьдан. Компартия выступала против этого. Обидно, что после завоевания политической власти она сама стала единственной партией у власти. „Узурпацию власти“ как термин придумала сама КПК для критики Гоминьдана» [3]. Ван Жован получил представление о демократии во время пребывания в гоминьдановской тюрьме. Там, читая различные книги, он ознакомился с западными идеями, и пришёл к выводу, что Китаю необходима демократия, которую он определил, как «независимое государство, в котором народ является хозяином». Интересно здесь определение «независимое» государство, то есть свободное от иностранного господства. Под иностранным господством понимали империализм или «империалистическую политику». По словам Ван Жована, в то время он подразумевал под империализмом две вещи: «Во-первых, Англию и британский империализм, потому что я жил на территории британской концессии, во-вторых, японский империализм» [1].

Под влиянием коммунистической пропаганды интервьюируемые в то время связывали демократию и отсутствие империалистического господства с социалистическим или коммунистическим обществом. Это должно было быть общество свободы, справедливости и национальной независимости. Однако чёткого понимания, каким оно должно быть на практике, не было. Оглядываясь назад, интервьюируемые охотно это признавали. Так, Ван Жошуй рассказывал: «Поначалу я не очень хорошо её понимал, но эта партия вызывала у меня симпатию. Коммунисты пропагандировали демократию, говорили о единовластии Гоминьдана. Они критиковали недемократичность и коррупционность Гоминьдана. В то время в самой КПК не было коррупции, партия была бедной... Со стороны не было понятно, чем

занималась КПК. Было известно только, что КПК активно отстаивает демократию. При этом коммунисты заявляли, что они против борьбы и хотят мира...» И далее: «Мы безумно обрадовались, начали буквально прыгать от счастья оттого, что дошли до свободной территории и могли уже не бояться спецслужб. Здесь мы могли ругать Гоминьдан, как хотели. В то время мы мечтали о демократии и свободе. Мы думали, что социализм – это хорошо, он может спасти Китай. Но, что в нём было хорошего, мы тогда себе ещё смутно представляли. Потом с нами в течение некоторого времени проводили обучающую работу, где мы изучали политику компартии и приобщались к ней, а потом мы вернулись вместе с войсками. Вскоре после этого мы вместе с войсками вернулись в Бэйпин» [2].

Положительные сдвиги в начале 50-х годов

Первые результаты пребывания КПК у власти в целом убеждали в правильности выбора в пользу коммунистов. По мнению интервьюируемых, первые годы после прихода к власти политика КПК была эффективной и в принципе отвечала интересам китайского народа. Они отмечали позитивные сдвиги в экономике, исчезновение наркомании, уменьшение количества нищих и голодающих. Су Шаочжи так рассказывал о своих впечатлениях от первых лет «народной власти»: «Сейчас многие считают компартию лжецами. Однако в то время очень многие мои однокурсники поддерживали компартию, в том числе и я... После Освобождения стало очень заметно, как ушли все злоупотребления времён Чан Кайши. Не стало проституток, азартных игр, они на самом деле исчезли. Жизнь народа действительно изменилась. Очень быстро остановилась инфляция. Поэтому народ всё более верил [коммунистам]» [5].

Го Лоцзи вспоминал, как одобряли первые шаги коммунистов его родители, относившиеся к «городской бедноте» (они занимались мелкой торговлей, а мать иногда прислуживала в богатых семьях). По словам Го Лоцзи, «в 50-е годы люди низшего класса очень сочувствовали компартии. Во времена правления Гоминьдана они испытывали сильное давление, им приходилось очень тяжело, их эксплуатировали. После установления власти КПК было провозглашено освобождение. После освобождения всё перевернулось... Компартия сделала очень много хорошего. Такого никогда не было в истории Китая. К примеру, в Китае тогда не было проституток, не было мафии, не было бандитов, никому не приходилось тяжело... Они добились этих успехов не демократическими средствами, а при помощи узурпации власти, путем давления. Но по сути это делалось во благо. Поэтому в 50-е годы народ искренне поддерживал КПК» [3].

Успехи КПК делали тех, кто вступил в партию ещё до её победы в гражданской войне, ещё более убеждёнными её сторонниками и активными пропагандистами партийной политики. Они считали, что дальнейшие успехи приведут не только к расцвету экономики, но и к более свободной, чем при Гоминьдане, жизни. Однако реальность не оправдала их ожидания. Уже к середине 50-х годов многие из них начали сталкиваться с проблемами.

Столкновение с коммунистической реальностью

Те, кто работал в КПК ещё до её победы, после 1949 г. как опытные и проверенные бойцы партии заняли поначалу неплохие должности и принялись работать на благо народа так, как они это понимали. Однако их энтузиазм и искренность довольно быстро пришли в столкновение с реальностью коммунистического режима. Они искренне, как их и призывали коммунистические идеологи в газетах и на собраниях, критиковали недостатки, бюрократизм, вносили предложения по исправлению ситуации. Но быстро обнаружили, что между коммунистической идеологией и коммунистической реальностью существуют большие различия. В результате во время кампании борьбы с правыми многие из этих искренних сторонников КПК были признаны «правыми элементами».

Характерна история Ван Жована. После победы КПК он вернулся в Шанхай, где стал заместителем заведующего отделом культуры и образования городской Федерации профсоюзов, где занимался культурной работой во входивших в федерацию отраслевых профсоюзах и вечерних школах. Он сразу же вмешался в противоречия между двумя группами коммунистических кадров: группировкой бывших шанхайских подпольщиков и «чужаками»: теми, что был прислан на работу в Шанхай из Яньани и с севера. Написав руководству о том, что такая ситуация не способствует единству партии, он был сам обвинён в попытке внести раскол, понижен в должности и отправлен на решение проблем безработных. В 1953 г. Ван Жован был назначен директором и секретарём парткома завода дизельных двигателей, но в конце 1954 г. «был направлен» на работу в союз писателей и стал заместителем главного редактора органа союза, журнала «Вэнь юэбао». Главным редактором журнала в то время был известный китайский писатель Ба Цзинь. Здесь Ван Жован сосредоточился на публицистике, так как писал уже давно. Однако публицистические статьи, в которых он критиковал бюрократизм и некомпетентность руководства, стремление контролировать всё и вся, принесли ему проблемы. В 1957 г. он был объявлен «правым элементом», исключён из партии и отправлен на перевоспитание в деревню. С этого времени он считал курс партийного руководства неверным [1].

Очень похожей была и история Лю Биньяня. Он работал в газете китайского комсомола «Чжунго цинняньбао» и с энтузиазмом воспринял начало объявленной Мао Цзэдуном в 1957 г. кампании «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», призыв вождя всем высказывать свои сокровенные мысли и критиковать руководство. Он и ранее, еще до 1949 года, был недоволен отсутствием духа личной свободы и догматизмом коммунистов, ему «не нравилось слишком сильное вмешательство, чрезмерное внимание к личной жизни». «Примечательно, – говорит Лю Биньянь, – что до 1949 года, когда КПК ещё не была у власти, мне нравилось читать труды о теории марксизма. После 1949 года я потерял к этим книгам всякий интерес. Я много раз ездил в СССР, ... каждый раз в России я покупал изданные в там книги и брошюры по марксизму.

Всё было очень неинтересно и скучно. Везде догматично толковали высказывания Ленина, Сталина и Маркса» [4].

Кампанию 1957 г. он воспринял, как стремление партии исправить эти ошибки, стать более свободной и творческой. Он вспоминал о своих чувствах того времени: «Я никогда так не хотел добраться до газет, как в тот период. Конечно, времени прочитать всё, не было, но даже просмотра заголовков было достаточно, чтобы почувствовать, как идут дела. Люди пересматривали своё отношение ко многим важным вопросам, от экономики до политической системы. На собраниях по «откровенному высказыванию своих мыслей» люди из различных социальных слоёв творчески критиковали общественные ограничения. Жизнь могла стать более радостной, люди могли стать счастливее, их отношения друг с другом теснее, менее напряжёнными. Но этого не случилось. Негибкость партийной политики, превращение партийных кадров из слуг общества в привилегированную клику, клановое высокомерие партии по отношению к беспартийным, в особенности к интеллектуалам, изолировало КПК от народных масс. До тех пор ничто не могло остановить эту порочную тенденцию. Но теперь впервые газеты стали рупором общественного мнения, и могли выражать неудовлетворённость, сомнения и чаяния народа» [13, с. 74]. Лю Биньянь начал писать критические статьи о стиле руководства партии. Хотя они и не были направлены против высших партийных лидеров, в них содержалась критика ситуации в ряде крупных городов, в частности, в Харбине и Шанхае. О направленности его статей и открытости китайской прессы того времени говорит статья, написанная во время командировки в Шанхай и, опубликованная 12 мая 1957 г. Озаглавленная «Шанхай потерял идеи», она заканчивалась следующим пассажем: «Собрания по „откровенному высказыванию своих мыслей“ в Шанхае только начались. Но некоторые люди отказываются говорить, а другие, те, кто уже высказался, всё же что-то недоговаривают. Они боятся попасть в ловушку, того, что на них донесут за их спинами, что им придётся отречься от своего мнения. Другие сомневаются, что можно добиться реальных изменений... Люди не могут не следить за каждым движением руководящих кадров, которые присутствуют на собраниях, но никогда не открывают рта, а их лица ничего не выражают. Никто не знает, что у них припасено в рукаве. Принимая во внимание, как часто партия не выполняла своих обещаний, вы не можете винить массы за то, что у них есть сомнения».

Критика Лю Биньяня не была направлена против руководства КПК. Напротив, он считал, что активно призывает к выполнению его указаний. Ведь сам Мао Цзэдун отмечал, что 90% местных кадров выступает против кампании «ста цветов». Выступая на собраниях, Лю Биньянь честно доносил эту позицию до слушателей, и даже написал письмо Мао Цзэдуну, в котором докладывал, что на местах партия превратилась в «привилегированную клику», большинство предприятий парализовано, партийные ячейки потеряли доверие рабочих, а среди руководящих кадров завелись «хамелеоны». «В Шанхае и Харбине, – писал журналист вождю, – при моих контактах с руководящими кадрами я отчётливо ощущаю, что они враждебны ЦК партии и массам, но, тем не менее, власть в их руках.

Идеи парторганизаций не ценятся на низком уровне и в массах. Необходимы меры со стороны ЦК». Критикуя нежелание местных властей проводить в жизнь курс на открытое самовыражение, Лю Биньянь не мог знать провокационного замысла кампании, которая была задумана для выявления скрытых врагов. Его эйфория в отношении нового курса длилась недолго. Как выяснилось впоследствии, статью от 12 мая прочитал лично Мао Цзэдун, и она ему не понравилась. Он собственноручно написал на ней: «Очевидно, некоторые люди заинтересованы не в решении проблем, но в разжигании беспорядков». Это было прямое указание применить репрессии. Последовали и меры Центрального комитета, но только не в ожидаемом Лю Биньянем направлении. С июня кампания «ста цветов» была свернута, и началась критика тех, кто в период её проведения раскрылся как «правый элемент» [4].

Го Лоцзи после 1949 года работал в правительстве города Уси, но в 1955 г. по собственному желанию ушёл с руководящего поста и поступил в Пекинский университет, где, как испытанный коммунист, был избран секретарём парторганизации исторического факультета. За недостаточную активную борьбу с «правыми» он, хотя и не был объявлен «правым элементом», но подвергся критике за «правый уклонизм».

В отличие от Ван Жована и Лю Биньяня, работавший в «Жэньминь жибао» Ван Жошуй в начале кампании «ста цветов» удостоился личной похвалы Мао Цзэдуна. По словам Ван Жошуя, Мао поначалу был сильно недоволен органом КПК, спускавшим на тормозах критику в рамках кампании. Это отражало позицию партийного аппарата, недовольного тем, что беспартийные и интеллигенция могут критиковать курс КПК и на равных с коммунистами обсуждать перспективы развития страны. Узнав о недовольстве Мао, главный редактор «Жэньминь жибао» Дэн То поручил Ван Жошую написать статью в русле кампании, которая была опубликована 10 апреля 1957 года. В тот день Мао как раз вернулся из поездки на юг страны, прочитал статью и справился об авторе. Через несколько дней он пригласил к себе редакторов газеты, и, во время встречи резко ругал Дэн То, а молодого редактора Ван Жошуя поставил ему в пример. По мнению Ван Жошуя, этот ярлык «удостоенного личной похвалы Мао Цзэдуна» помог ему избежать участи «правого элемента» после того, как курс руководства сменился на противоположный. Впрочем, по его словам, «Жэньминь жибао» кампания борьбы с правыми обошла стороной, так как сотрудники редакции были заранее предупреждены о готовящемся изменении линии и проявляли осторожность в критике, защищал их и Дэн То. Тем не менее, в 1958 году Ван Жошуя всё равно отправили в деревню для получения «трудовой закалки» [2].

Су Шаочжи, хотя и не был объявлен «правым элементом», именно в период этой кампании также впервые усомнился в правильности линии партии. Работая преподавателем экономического факультета Фуданьского университета, он пытался заступиться за знакомого, которого считал честным коммунистом, но более высокопоставленные друзья посоветовали ему этого не делать, так как иначе его самого объявили бы «правым». В результате знакомый был объявлен «правым» и подвергся

репрессиям, а Су Шаочжи задумался о том, почему верных коммунистов репрессируют [5].

Первые сомнения

Критика со стороны партии, вплоть до признания «правым элементом», то есть, по сути, врагом, естественно вызвала у честных партийцев сложные размышления. Однако далеко не сразу они стали сомневаться в правильности курса компартии. Слишком много было связано с КПК, идеи партии были неотделимы от личной судьбы. Попавшие под подозрение занялись сложным самоанализом: почему критика «отдельных недостатков», к которым призывают и классики марксизма, и официальная партийная идеология, в действительности встречается в штыки и приводит к осуждению не критикуемых, а самих критиков?

Вспоминая свои чувства того времени, Лю Биньянь говорил: «Были важные внутренние причины того, что в период борьбы с „правыми“ меня зачислили в „правые“, среди них – то, что я подчёркивал необходимость независимого мышления для человека. Такая „независимость“ не противоречила марксизму, так как, по моему мнению, марксизм как раз требует от нас независимого мышления. Но компартия утверждала, что я требовал независимости от партии, от марксизма. Это было вменено мне в вину, и понять этого я не мог. Кроме того, я требовал, чтобы литература и новости были критическими, содержали критическое отношение к партии, обществу, жизни. КПК говорила: нельзя. Она говорила, что в капиталистическом обществе литература должна быть критической, и новости должны быть такими же. Но в социалистическом обществе, руководимом коммунистической партией, литература может быть только светлой, может только прославлять компартию. По этому поводу у меня в голове не было ясности, было большое противоречие. С одной стороны, в душе я по-настоящему не понимал вины, которую определила мне компартия, по-настоящему не признал её, с другой, я одновременно думал, что всё же виноват. Это очень сложно. Почему я так думал? Я считал, что Мао Цзэдун не может ошибаться, а эту кампанию начал Мао Цзэдун. Как сотрудник газеты „Чжунго цинняньбао“, то есть системы ЦК комсомола, я был в ещё более тяжёлом положении. Если я – не „правый“, то не „правые“ и все другие [репрессированные] люди, человек 100–200... а это значит, что Мао Цзэдун ошибся. Но кампанию борьбы с „правыми“ начал Мао Цзэдун, а он не может ошибаться... поэтому я всё-таки „правый“. Конечно, была ещё и другая проблема: если бы я не признал вины, то не смог бы спастись. Они говорили, ты – „правый“, это совершенно ясно. Кроме того, рабочие и крестьяне критиковали меня на собрании, вся эта атмосфера была крайне репрессивной, а мне ещё надо было думать о семье. Компартия говорила: „Проявлять снисхождение к признающим вину и строгость к упорствующим“. Я думал, что если признаю вину, ко мне отнесутся немного лучше, если буду сопротивляться, я и моя семья будем больше страдать. Это было в моём подсознании, поэтому было очень мучительно. С одной стороны, я признавал, что был „правым“, но, с другой, когда поехал работать в деревню, я снова взял с собой очень много книг на русском

языке, взял полное собрание сочинений В.Г. Белинского, взял серию „Русские писатели о литературном труде“, четыре толстых тома. Всё это я взял с собой, чтобы найти ответ на вопрос, может ли литература, дойдя до этапа социализма, иметь критический дух. По сути, я не верил в свою вину, но хотел найти подтверждение своей правоты, а не критиковать свои ошибки... Эти книги, конечно, могли только подтвердить, что я прав. Поэтому всё было очень запутано» [4].

Критика за «правый уклонизм» произвела тяжёлое впечатление и на Го Лоцзи, который, так же, как и Лю Биньянь назвал свои чувства того времени «мучительными». Посреди сомнений в себе и в линии партии он подал в отставку с поста секретаря парткома исторического факультета, сославшись на состояние здоровья. Он так описал свои сложные чувства в тот период: «В компартии не подавали в отставку, нужно было отдавать всего себя служению народу. В то время мои мысли были мучительными. Почему меня называют „правым уклонистом“? Начальство требует, чтобы я боролся с некоторыми талантливыми людьми как с „правыми“, а я не хочу, значит я – „правый уклонист“? Поэтому тогда я чувствовал себя крайне мучительно: лично я не считал их „правыми“, очень им сочувствовал, но как секретарь парторганизации я должен был выполнять указания свыше, то есть говорить, что они „правые“. Я ощутил конфликт между собой как честным человеком и собой как партийным функционером. До этого я был очень преданным членом партии, но после стал постепенно сомневаться... После этого я твёрдо решил не быть партийным функционером. Я подал в отставку, но не мог объяснить её этой причиной. Я просто сослался на плохое здоровье, сказал, что мне надо и учиться, и работать, и я могу не справиться» [3]. Тогда Го Лоцзи, несмотря на то, что он ещё не закончил университета, пригласили преподавать на философский факультет: там не хватало преподавателей, так как многие были объявлены „правыми“ и подвергнуты репрессиям. По словам Го Лоцзи, в то время он ещё не считал, что Мао Цзэдун или ЦК могут проводить неправильную линию: «Тогда у меня ещё не было таких мыслей, потому что до этого я считал компартию необычайно великой, что она во всём права. Поэтому в то время я ещё сомневался: может быть, я и сам ошибаюсь. Это был ещё начальный этап. В другое время, обдумывая проблемы, я думал, что прав, но боялся сказать, что компартия ошибается. Кроме того, в то время нельзя было говорить другим, что компартия совершила ошибку, а самому в душе так считать было очень мучительно, потому что нельзя было поделиться с другими» [3].

Направленный на учёбу в деревню Ван Жошуй захватил с собой самые дорогие для себя книги, чтобы, как и Лю Биньянь, изучая мысли признанных авторитетов, постараться разобраться в ситуации. Для него, марксистского журналиста, это, естественно, были произведения К. Маркса. Обнаруженные в них противоречия с официальной идеологией заставили Ван Жошуй задуматься о происходящем: «Потом меня в 1958 году отправили в деревню на исправительные работы. Прошёл год. Как раз начался „большой скачок“. Я отправился в деревню с томом философских сочинений Маркса. Когда была возможность, я их перечитывал. В этой книге

мы обнаружили расхождение с учебной литературой, с тем, как преподавали в партийной школе ЦК КПК. Там всегда говорили о том, что материя превыше всего, сознание – на втором месте. Это продукт материалистического сознания. Постоянно повторяли эти три фразы. Поскольку я учил философию, то мне казалось, что это слишком просто. Именно поэтому я очень любил труды Маркса. После возвращения в 1958 году я принялся писать» [2].

Таким образом, столкновение идеалистических представлений с реальностью в конце 50-х не привели ещё ни Лю Биньяня, ни Го Лоцзи, ни Ван Жошуня к отрицанию политики КПК, но лишь к некоторым сомнениям и желанию глубже разобраться в происходящем, лучше узнать жизнь и теоретические основы партийного учения. О том же писал в одной из своих статей Ван Жован, утверждавший, что даже будучи репрессированным в 1957 году, он не утратил веры в идеи коммунизма [6, с. 12–16].

Изменение отношения Су Шаочжи к происходившему в стране также происходило постепенно: «В то время нас постоянно предупреждали: ваше происхождение не рабоче-крестьянское, поэтому в вас слишком много мелкобуржуазного сознания, и вы должны чувствовать свою неправоту и правоту партии. Мы и считали себя неправыми, но всё же сохраняли сомнения. Самые большие изменения в моем взгляде на компартию произошли потом, во время народных коммун и „большого скачка“. Когда я был в Фуданьском университете, я возил студентов в деревню организовывать народную коммуну. В то время индивидуальные котлы для приготовления пищи уже были разбиты, людей заставляли вступать в народные коммуны. Дети плакали, их было очень жалко, такие были методы. Вскоре начался „большой скачок“, мы снова были в деревне, потом выплавляли сталь: всё, что выплавляли, пошло в отходы. Потом я снова подвергся критике. В то время я ещё думал: может быть, я не успеваю за эпохой? Но, в конце концов, по-настоящему пробудила меня „великая культурная революция“, когда пострадало большое число людей» [5].

«Культурная революция»

«Великая пролетарская культурная революция», начатая Мао Цзэдуном в 1966 г., сегодня официально осуждена в КНР как «десять лет великой смуты». В западной и российской историографии её обычно рассматривают как попытку Мао Цзэдуна использовать народный, в особенности молодёжный, энтузиазм для устранения от власти политических противников и попытки осуществления на практике левацко-традиционалистской социальной утопии. Это во многом справедливо. Однако свидетельства очевидцев и участников говорят о том, что, по крайней мере, на начальном этапе «культурная революция» была с энтузиазмом воспринята наиболее угнетёнными слоями «социалистического» общества, в том числе и теми, кто был объявлен «правыми элементами». Идее о том, что в своей вере в Мао Цзэдуна все равны, все вольны критиковать любые недостатки и даже применять меры «классовой борьбы» против «идуших по капиталистическому пути» бюрократов оказалась весьма привлекательной в обществе, поражённом бюрократией, жёсткой заорганизованностью общественной

деятельности и всеобщим политическим контролем. Некоторые недовольные, как и в период «ста цветов», вновь подумали, что Мао искренне хочет исправить недостатки, построить общество большей свободы, решить реальные проблемы страны.

Спустя много лет, став решительным противником коммунистического режима, Лю Биньянь так вспоминает своё настроение того времени: «До начала „культурной революции“ с меня сняли ярлык „правого“, моё положение немного улучшилось. Но как только началась „культурная революция“, хунвэйбины немедленно опять навесили мне ярлык. С этой точки зрения, я не должен был положительно относиться к „культурной революции“. С началом „культурной революции“ со мной случилось то же, то и со многими другими: со мной опять боролись, меня изолировали, я не мог возвращаться домой и т.п. Но, как ни странно, мне нравилась „культурная революция“. В то время настроение у меня было приподнятое. На улице вывешивались „дацзыбао“, критиковали „группировку, стоящую у власти“, „идущих по капиталистическому пути“, было сформировано множество организаций, выпускались небольшие газеты, журналы. Я тогда очень хотел участвовать, но не мог из-за своего ярлыка „правого“. Если бы с меня его сняли и не прикрепили снова, я, вполне возможно, участвовал бы. Очень многие „правые“ участвовали. Подумайте, почему? Из этого можно заключить, что „великая культурная революция“ – это довольно сложное явление. Мао Цзэдун призвал всех бунтовать, подняться на бунт, он сказал: „бунт – дело правое“, долой группировку, стоящую у власти. Конечно, у него была своя цель. Но тогда почему так много простых людей сразу поднялось на борьбу? Некоторые объясняют это исключительно культом личности Мао Цзэдуна. Но всё не так просто. Сейчас это все поняли. Большинство сегодня считает, что это произошло не из-за культа личности. У Мао Цзэдуна не было такого большого влияния. Оно сыграло определённую, но не главную роль. Самым важным было то, что многие люди чувствовали себя угнетёнными и действительно были таковыми. Поэтому я полагаю, что о Мао Цзэдуне не думали. Многие люди были угнетены. Например, в нашей „Чжунго циннянь бао“ кто-то долгое время страдал из-за того, что был сыном помещика, кто-то в прошлом совершал какие-то ошибки, кого-то руководство не любило, потому что считало его склонным к индивидуализму. Они не могли вступить в партию, получить повышение по службе, им не давали заниматься важной работой. Они все чувствовали себя угнетёнными, но ничего не могли поделать. Что ты мог сделать в обычное время? Ничего, такова была политическая система. И тут Мао Цзэдун призвал всех к бунту, причём бунтовать надо было именно против руководства, именно против тех, кто в обычное время тебя угнетал. Поэтому простые люди очень обрадовались: „Эту политическую систему можно изменить! Этот человек – негодяй, а теперь, наоборот, я могу его проучить!“ Поэтому был такой энтузиазм. Это одно обстоятельство. Но было и другое. В 1957 году, до кампании „борьбы с правыми“, будущие „правые“ как раз критиковали компартию, некоторые – открыто, некоторые – на небольших собраниях, некоторые – в газетах. Тогда многие проблемы Китая, вызванные правлением компартии, начали выходить на свет. То есть были высвечены

многочисленные дефекты восьмилетнего периода, со времени прихода компартии к власти в 1949 году до 1957 года, которые привели к кризису. Конечно, компартия не решила эти проблемы, но навесила ярлык „правых“ на тех, кто их поднимал, поэтому эти проблемы никуда не ушли. В том числе и проблема коррупции. Поэтому кризис развивался постепенно. В 1958 году начался „большой скачок“, во время которого погибло множество людей. Он стал результатом нерешённости проблем, поднятых в 1957 году, простые люди это знали. И как только началась „великая культурная революция“, некоторые посчитали это хорошим шансом, вроде того, что возник в 1956–57 годах. Опять возник случай, который, может дать возможность решить те проблемы. Снова можно критиковать, писать „дацзыбао“, проводить собрания...

Я скажу Вам интересную вещь: целью участия в бунте многих „правых“ была реабилитация. Они считали себя первыми цзаофанями, так как Мао Цзэдун призвал к бунту: „В 1957 году на меня навесили ярлык по ошибке, тогда мы первые поднялись на борьбу с бюрократизмом. Мы самые первые цзаофани“. Многие потом поняли, что „правые“ 1957 года – это и есть цзаофани. Их тогда называли „правыми“ именно за критику руководства. Поэтому некоторые были близки к реабилитации. Тогда руководителями многих учреждений были те, кто в 1957 году навешивал ярлык „правых“. Некоторые поднялись в результате изгнания „правых“, поэтому „стоящими у власти каппутистами“ как раз и были такие руководители. Они либо уже были руководителями 9 лет назад во время кампании по борьбе с „правыми“, либо быстро продвинулись по службе и стали руководителями во время этой кампании. Поэтому народ, естественно, объединил эти две группы людей: те, с кем мы боремся сейчас, это те же люди, с которыми они („правые“) боролись в 1957 году, а те, кто боролся с ними в 1957 году – это сегодняшние „правые“! Поэтому „правые“ – это цзаофани. Так тогда считали» [4].

Похожий энтузиазм в начале «культурной революции» испытывал и другой «правый», Го Лоцзи. Работая на философском факультете Пекинского университета, он вступил в борьбу с самой зачинательницей «культурной революции», секретарем парткома факультета Не Юаньцзы. Это было опасно, поскольку именно дацзыбао Не Юаньцзы, в которой критиковалось руководство университета, была поддержана Мао Цзэдуном и послужила сигналом к началу «культурной революции». Так как Не Юаньцзы поддерживали в ЦК КПК, Го Лоцзи пришлось трудно. Но в обстановке бесконтрольности тех лет вокруг него сплотилась группа недовольных, которая действовала несколько лет. Своё выступление против Не Юаньцзы, Го Лоцзи объяснил стремлением к демократии: «Она была человеком низкой морали. В то время она была главой Пекинского университета, захватила в нём власть. Став председателем ревкома университета, она политически подавляла массы, не было никакой демократии. Поэтому, выступая против неё, я на практике выступал против „культурной революции“, выражал по её поводу собственное мнение... Я писал „дацзыбао“, что в то время было очень опасно, так как она была поднятым Мао Цзэдуном красным знаменем. Поэтому впоследствии мы столкнулись с большими проблемами.

Во многих дацзыбао критиковали меня. Со мной полемизировали, а фактически меня окружали. Но многие и поддерживали меня. Потому что мои дацзыбао, и мои действия были хитроумными. Поэтому она не могла объявить меня контрреволюционером. Все, кто до меня выступал против Не Юаньцзы, были объявлены контрреволюционерами. Но меня не только не объявили, у меня было много сторонников, причём их число росло. Так те, кто меня поддерживал, образовали оппозиционную группу, сформировали организацию, выступавшую против Не Юаньцзы» [3].

Из этих слов становится очевидным, что Го Лоцзи, естественно, не выступал против «культурной революции», по крайней мере, на словах. Его «хитроумность», безусловно, заключалась именно в том, что он представлял свою позицию ещё более революционной и более соответствующей идеям Мао Цзэдуна, чем позицию своих противников. Так поступали все участники «культурной революции». Но Го Лоцзи воспользовался ситуацией, чтобы высказать свои старые мысли о том, что власть компартии – это отсутствие бюрократии и коррупции и широчайшая демократия. Подобным же образом поначалу трактовал цели «культурной революции» и Су Шаожи: «Мао Цзэдун использовал силу народа для борьбы с бюрократией. Я тоже клеил дацзыбао в Народном университете» [5].

Го Лоцзи так описывал сложность своего отношения к «культурной революции»: «Вопрос о „культурной революции“ очень сложен. Вначале молодёжь и простой народ были преисполнены революционного энтузиазма, многие поднялись на борьбу с бюрократизмом, потому что долгое время испытывали гнёт коммунистической бюрократии. Поэтому, когда Мао Цзэдун призвал к проведению „великой культурной революции“, внизу воспользовались этим призывом для борьбы с бюрократией в своем учреждении. В ней были и положительные стороны, но очень многие методы были крайне варварскими. В начале „культурной революции“ я не предпринимал никаких действий, я думал, стоит ли мне участвовать в такой кампании. Это очень сложное явление. С позиции того времени, в нём были правильные, но были и ошибочные стороны, которые заключались в варварских методах. Например, если руководителя какого-то учреждения объявляли „идушим по капиталистическому пути“ бюрократом, его можно было критиковать, можно было хватать его и бить. Это было оскорблением личности. Движение „хунвэйбинов“ разрушало культуру. Широкомасштабное движение „культурной революции“ началось 1 июня 1966 года. В 1966 году я хранил молчание, наблюдал со стороны. Только уже в 1967 году я начал выступать против Не Юаньцзы. Я начал писать дацзыбао против Не Юаньцзы только 3 марта 1967 года, и тогда, по сути, уже решил включиться в „великую культурную революцию“... Почему? Потому что это всё же было важным историческим событием. Потому что, если не включиться, у тебя не будет права голоса. Поэтому я включился, чтобы по мере сил повлиять на эту кампанию, так я думал в то время. Однако дальнейшая практика показала, что у одного человека мало сил, и повлиять на неё он не может. Не говоря уже о кампании в целом, я не мог повлиять даже на кампанию внутри Пекинского университета. Её законы не зависели от воли людей. Например, как я только что говорил, за

борьбу с Не Юаньцзы на меня нападали со всех сторон, но некоторые меня поддерживали, и те, кто меня поддерживал, образовали организацию, выступавшую против Не Юаньцзы. Так началась борьба двух группировок. Эта борьба дошла до того, то в ход была пущена сила. Я был против этого. То есть, хотя я был в одной с ними группе, но выступал против того, чтобы они применяли силу. Но в то время ничего сделать было нельзя, я не мог им препятствовать. Это было заразной болезнью того времени, так было по всей стране: где бы ни возникали противоречия и борьба между двумя группировками, на определённом этапе доходило до применения силы. Я понял, что ничего не могу сделать. Я не мог действовать по собственной воле, поэтому потом я перестал участвовать в „культурной революции“. Но позднее Мао Цзэдун направил в вузы военные агитбригады, их культурный уровень был крайне низким, и они практически губили культуру в вузах, можно сказать, что время господства военных и рабочих агитбригад в вузах – это чёрный период в истории китайского образования. Потом меня тоже объявили контрреволюционером и снова сослали на три года заниматься физическим трудом. Вернулся в Пекин я в 1973 году» [3].

Лю Биньянь разочаровался в «культурной революции» и Мао Цзэдуне ещё позднее, только когда она подходила к концу: «Я окончательно разочаровался в 1975 году, когда „великая культурная революция“ шла уже 9 лет. Только тогда понял, что Мао Цзэдун заодно с „бандой четырёх“. Потому что в 1975 году появился Дэн Сяопин, по сути, он тогда выступал против „великой культурной революции“, хотел её завершить и боролся с „бандой четырёх“. Я считал, что Дэн Сяопин прав, а Мао Цзэдун его поддерживает... В первой половине 70-х годов весь народ считал, что „культурная революция“ принесла слишком много бедствий и разрушений, что она была ошибкой. Дэн Сяопин хотел изменить эту ситуацию, хотел завершить „культурную революцию“, это, конечно, было хорошим делом. Я поначалу считал, что Мао Цзэдун и Дэн Сяопин вместе выступают против Цзян Цин, Линь Бяо и „банды четырёх“. Но в 1975 году я обнаружил, что это не так, что Мао Цзэдун заодно с Цзян Цин. Только тогда я понял, что Мао Цзэдун ошибается» [4].

Так же, как Го Лоцзи и Лю Биньянь, Ван Жошуй с энтузиазмом воспринял начало «культурной революции». Хотя он и не пострадал, как «правый», но увидел в ней новые возможности для критики бюрократизма и навязанного сверху неэффективного руководства. Сотрудник партийной газеты так объяснил свои чувства: «Начало „культурной революции“ я всё же горячо приветствовал. Почему? Потому что согласно выдвинутому Мао Цзэдуну концептуальному положению, каждый человек мог критиковать. Раньше нельзя было критиковать парткомы, так как они представляли партию. А теперь Мао Цзэдун сказал: вы не представляете партию, партком – это не партком, ЦК – это не ЦК, критика парткома не равняется критике компартии. Раньше, во время борьбы с „правыми“, так поступать было всё же нельзя, критиковать партком означало выступать против партии. Сейчас всё изменилось, сейчас стало можно критиковать партком, это не обязательно приравнивалось к выступлению против партии. Поэтому я

почувствовал освобождение. Я не любил У Нуаньсина, занявшего пост главного редактора „Жэньминь жибао“ после Дэн То, мне не навилось его жалкое окружение. Теперь мы поняли, что его можно критиковать, я почувствовал, что это право мне дала „великая культурная революции“. Это было освобождение сознания, теперь признавалось, что парткомы тоже могут совершать ошибки, Мао Цзэдун поддерживал твой бунт, борьбу с бюрократией, а я ненавидел бюрократию. Относительно Лю Шаоци я был не в курсе» [2].

Однако борьба обернулась против самого Ван Жошуя. Как и Пекинский университет, редакция «Жэньминь жибао» также раскололась на две группировки, каждая из которых клялась в большей верности идеям Мао Цзэдуна. Ван Жошуй рассказывал: «В „Жэньминь жибао“ возникло две группы. Я входил в одну из них, мы считали, что идём курсом Председателя Мао. Наши соперники тоже считали, что идут курсом Председателя Мао, они выступали за больший радикализм, за захват власти... Они хотели захватить власть, и меня тоже свергли как „реакционный буржуазный авторитет“. Но ко мне всё же относились довольно вежливо, потому что раньше меня хвалил Председатель Мао, по отношению ко мне не осмеливались перегибать палку. Так во время „культурной революции“ меня снова отправили в деревню, что, я думаю, было не совсем плохо, так как 80% китайцев были крестьянами, и нужно было понимать их жизнь. А понять их можно только, если не проводить всё время в городе, но работать, есть и спать вместе с ними. Не понимая крестьян, нельзя понять Китай. Поэтому, я думаю, что это всё же было хорошо, но слишком долго. Приехав туда, мы не могли им ничем помочь, они мне показались более отсталыми, чем мы. А мы ещё должны были у них учиться! Я год был в деревне в 1958 году, а в „культурную революцию“ ездил один раз каждый месяц-два, выполнял всякую работу, какая была. Я думаю, времени потратил больше, чем нужно. Время шло, но вам не разрешалось им помогать, и сами вы не могли ничего делать. И так продолжалось до „дела Линь Бяо“. Тогда я понял, что Мао Цзэдун ошибается, что он ещё хуже, чем Лю Шаоци. Когда в 1972 году Мао Цзэдун поручил Чжоу Эньлаю курировать „Жэньминь жибао“..., я написал письмо Мао Цзэдуну, в котором высказал одобрение Чжоу Эньлая и неодобрение „банды четырёх“... В письме я цитировал слова Чжоу Эньлая, его положение о необходимости критиковать ультралевых... В 70-е годы, до и после „дела Линь Бяо“, Чжоу Эньлай говорил так, он не боялся недовольства Мао Цзэдуна. Сам Мао Цзэдун тоже говорил о необходимости критиковать ультралевых» [2].

Складывалась парадоксальная ситуация. Поддержавшие «культурную революцию» за возможность борьбы с бюрократией, за отрывавшиеся новые возможности и дух свободы, её участники по ходу дела разочаровались в ней и начали питать симпатию как раз к тем руководителям, которые во время революции были «свергнуты», то есть, по сути, к лидерам «бюрократов». Из них наиболее популярными были Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин. Так, согласно Ван Жошую: Мао «не мог сразу критиковать Чжоу Эньлая, так как его авторитет в народе был очень высоким... Хотел критиковать Чжоу Эньлая, но не мог этого сделать сразу. И он критиковал

меня... критиковал мое письмо... говорил, что я недостаточно сведущ. Он выступил на Политбюро, написал письмо и поручил заняться этим письмом Политбюро... В результате было созвано собрание в Большом зале народных собраний. Председательствовал на нём Чжоу Эньлай. Для меня это было неожиданным, их критика не была единой, Чжоу Эньлай сидел рядом со мной, и пожал мне руку очень дружески. Это было в 1972 году. Я ещё не знал, что произошло, сел, увидел, что Чжан Чуньцяо читает пьесу. Поэтому этот случай сильно потряс меня. В то время „Жэньминь жибао“ повсюду критиковала меня. По всему зданию были расклеены дацзыбао. Невозможно было сосчитать собраний с критикой. Но в тот раз я уже изменился, я считал, что я прав. Я не признал ошибок, и меня послали в школу кадров, и ещё хотели, чтобы я писал самокритику. Тогда я каждый день писал самокритику, десять фраз из глубины души против самого себя. Я чувствовал, что мой дух изнасиловали. Было очень мучительно. Потом в 1976 году умер Чжоу Эньлай и произошел инцидент на площади Тяньаньмэнь. Десятки тысяч людей пришли туда и все ругали „банду четырёх“ и хвалили Чжоу Эньлая. На Тяньаньмэнь, в этом небольшом месте никто не говорил тебе, что ты контрреволюционер. Я почувствовал свободу, этот был такое же чувство, как в 40-е годы, когда я бежал в освобождённые районы. Во всём Китае только этот небольшой кусок земли, Тяньаньмэнь, свободен, тут можно ругать „банду четырёх“. В 1972 году меня подвергли критике и отправили в деревню на перевоспитание. После разгрома „банды четырёх“ я вернулся в «Жэньминь жибао» уже с освобождённым сознанием. Таким образом, освобождение нашего сознания шло поэтапно. Первый шаг – считать, что Мао Цзэдун ошибался, но что его ошибки не соответствуют официальной трактовке: успехи на первом месте, ошибки – на втором. [Второй шаг:] нет, ошибки Мао Цзэдуна на первом месте, этот взгляд отличается от официального» [2].

Период реформ

Падение «банды четырёх» и последующий приход к власти Дэн Сяопина были с энтузиазмом восприняты ранее подвергавшимися преследованиям представителями интеллигенции. Этому в немалой степени способствовало то, что сам Дэн Сяопин и возвращавшиеся вместе с ним в Пекин бывшие руководящие работники КПК сами подвергались критике и репрессиям. Но не меньшую роль играла и атмосфера свободы и открытости, которая поначалу господствовала в обществе. В 1977–78 гг. Дэн Сяопин и его сторонники активно призывали к открытой дискуссии в отношении дальнейших путей развития страны, частично искренне пытались разобраться в ситуации, частично используя волну критики против политических противников, группировавшихся вокруг Хуа Гофэна, официального наследника Мао.

В 1978 г. Дэн Сяопин активно выступил за демократизацию государственной системы. По его инициативе в Пекине в несколько этапов было проведено закрытое совещание, на котором обсуждались вопросы дальнейшего развития страны. В нём участвовали ведущие специалисты страны, в том числе и из числа ранее преследовавшихся в различных кампаниях.

Активное участие в них приняли Го Лоцзи, Ван Жошуй и Су Шаочжи. Участник собрания Ван Жошуй так описывает его: «На первом этапе, ещё до начала собрания, Ху Яобан поощрял нас выступать. Он говорил, что нам (руководителям) говорить неудобно, а вам можно. Потом начались события вокруг сиданьской „стены демократии“. На собрании в начале 1979 года все критиковали журнал „Хунци“, обстановка в то время была очень хорошей. Но собрание было секретным, поэтому иностранцы о нём не знали, они знали только о „стене демократии“, но совершенно не знали, что было такое собрание. А на нём высказывалось больше критических мнений, чем на „стене демократии“, причём они были более масштабными. Они² думали, что мы как будто координируем свои действия со „стеной демократии“. Потом начались демонстрации студентов, которые приехали из разных мест и требовали вернуть их из деревни в город. После этого начали думать, что наша группа должна идти вперёд, сознание ещё не достаточно освободилось. Но ЦК партии считал, что не следует сомневаться в четырёх базовых принципах, не следует заходить слишком далеко. Возникли разногласия по поводу того, насколько далеко нам можно заходить» [2].

Раскол в партии был очевиден. О нём говорил и Лю Биньянь: «На самом деле тогда в душе мы всё понимали: партия не едина. В ней есть два противоположных течения. Одно – за реформу, другое – против реформы. На третьем пленуме одиннадцатого созыва Дэн Сяопин выступил за проведение реформ. Он сформулировал цель партии: реформы. Конечно же, мы их поддерживали. Я писал работы, выступал с критикой, Ван Жошуй публиковал теоретические статьи в газетах – всё с целью продвижения реформ, с целью противостоять консерватизму. Однако позиции Дэн Сяопина были противоречивыми. Он, с одной стороны, начал проведение реформ, с другой, – верил тому, что ему говорили консерваторы. Он выдвинул Ху Яобана на пост Председателя КНР, и одновременно не верил ему. Поэтому он всегда колебался. И, с другой стороны, проводил кампанию по борьбе с „либерализмом“. Поэтому, когда мы выступали с Ван Жошуйем, мы в действительности понимали, что партия не едина, что было очень странно» [4].

В 1979 г. в позиции властей произошли изменения. Победив своих политических соперников и укрепив власть, Дэн Сяопин уже не столь нуждался в неорганизованной критике властей со сторон масс, которую он раньше использовал в собственных целях. К тому же разраставшееся движение у «стены демократии» грозило выйти из-под контроля и подорвать всю систему власти. Со времён «культурной революции» «беспорядок», потеря контроля над ситуацией в стране считалась китайскими лидерами, в особенности теми из них, кто сам пострадал в годы «смуты», главной опасностью. «Стена демократии» была ликвидирована, а против её наиболее активных участников были приняты меры. Вновь пострадали и чрезмерно активные сторонники либерализации из числа внутрисистемной интеллигенции. Свою ситуацию ярко описал Го Лоцзи: «В 1979 году я написал три статьи, которые произвели очень большое впечатление и в то же

время доставили мне очень большие неприятности. Одна статья... называлась „Нужно раскрепостить сознание, отбросить теории“, её опубликовали в журнале „Хунци“. Другая статья появилась в „Гуанмин жибао“ под названием „Кто виноват?“. Тогда была одна женщина – член компартии по имени Чжан Чжисинь. Вы не слышали о ней? Она была убита во время „культурной революции“. Она написала песню под названием „Кто виноват?“. Я и использовал эту тему песни Чжан Чжисинь. Во время „культурной революции“ она выступала с протестами, но её суждения посчитали контрреволюционными, она была расстреляна. Перед расстрелом ей перерезали горло из опасений, что она перед смертью будет выступать, выкрикивать лозунги, и она не смогла произнести ни звука. Я написал статью, чтобы доказать правоту Чжан Чжисинь. Эта статья имела очень большой резонанс в Китае. Однако очень многие ответственные лица выступили против меня. Третья статья была опубликована в „Жэньминь жибао“ и называлась „Политические вопросы можно обсуждать“ [11]. Эти статьи имели большой отклик в народе. Но они не нравились высшему руководству. Особенно статья „Политические вопросы можно обсуждать“. Дэн Сяопин на неё обрушился. Я только что рассказывал о том, как когда я в ВСНП критиковал У Дэ³. Тогда Дэн Сяопин меня очень поддерживал, говорил, что я прав. Это было в 1977 году, но в 1979 году он полностью изменил своё мнение, стал очень сильно осуждать меня. Мои статьи вызвали у него сильное недовольство. Из-за моей статьи „Политические вопросы можно обсуждать“ меня хотели исключить из Пекинского университета, и я поспешно вернулся в Пекин. Я имел достаточно большое влияние в университете, а университет имел влияние на весь Китай. Поэтому в 1979 году после того, как в „Жэньминь жибао“ была опубликована статья, Дэн Сяопин распорядился выгнать меня из Пекинского университета и из Пекина. В итоге в 1982 году я переехал в Нанкин. Я приехал туда, фактически, будучи под арестом, у меня не было никакой свободы. Я мог там преподавать на философском факультете Нанкинского университета. Но на самом деле моя свобода была сильно ограничена. В соответствии с указанием Дэн Сяопина я не мог публиковать статьи ни в каких китайских газетах и журналах» [3].

Сходная судьба постигла Ван Жована в Шанхае. Выйдя из тюрьмы незадолго до смерти Мао Цзэдуна в 1976 г., он вскоре активно включился в литературную работу. Хотя он и не участвовал в событиях 4 июня на площади Тяньаньмэнь, но симпатизировал Чжоу Эньлаю. «Я не говорю, что он был очень хорош, но он отличался от Мао Цзэдуна, был немного лучше. Поэтому, когда Чжоу Эньлай умер, я не был безучастным, но не участвовал в каких-либо мероприятиях... Когда к власти пришел Ху Яобан, уже стало немного свободнее. В это время я был очень воодушевлён, написал много статей, которые были напечатаны в „Гуанмин жибао“, „Хунци“, всего их было пять. Но когда я писал шестую статью, дело стало плохо, Ху Яобана отстранили. Меня тогда знал всякий в континентальном Китае, я стал знаменитостью из-за этих пяти статей, потому что их все напечатали в таких газетах, как „Жэньминь жибао“, „Гуанмин жибао“,

которые читали все. В этих статьях я, во-первых, критиковал „ультралевое интеллектуальное течение“, а, во-вторых, говорил о том, как нам в будущем нужно строить новый Китай...» [1].

По его словам, Ван Жован не критиковал социализм, но писал практически всё, что хотел сказать, потому что в то время писателей поощряли писать открыто и без самоограничений. В частности, во время пребывания у власти Ху Яобана можно было критиковать Мао Цзэдуна. Тем не менее, Ван Жошуй, прямо не указывая на Мао Цзэдуна, говорил, что эпоха его правления была временем бедствий. Например, в опубликованной в «Гуанмин жибао» статье «Весенний ветер» критиковались люди, которые хотели возродить дух Мао Цзэдуна. По словам Ван Жована, формально это была не критика Мао Цзэдуна, а критика того человека, который хотел воскресить эпоху Мао. В другой статье он выступил против ограничений для писателей, не позволявших им хорошо писать. Подобные выступления вскоре принесли автору большие проблемы. По его словам, «в сентябре 1988 года на одном из собраний Дэн Сяопин открыто заявил, что я, Ван Жован, – „патриарх буржуазной либерализации“. Тогда это ещё не попало на страницы газет, но в конце года меня стали открыто так называть. Термин попал в газеты и все узнали его источник. В 1989 году, на четвёртый день после „большой резни“ в Пекине, в Шанхае тоже организовали демонстрацию, и я в ней участвовал» [1]. Ван Жована исключили из Союза писателей и вновь посадили в тюрьму. Проведя в ней год и два месяца, он, под давлением США, был освобождён и покинул КНР.

Нынешнее положение

Оценивая современное положение в Китае, опрошенные сторонники демократизации старшего поколения высказывали весьма сходные мысли, которые можно свести к следующим пунктам:

1. Нынешняя КПК переродилась и стала похожей на Гоминьдан того времени, когда они вступили в КПК для борьбы с ним. Современной КПК, как и Гоминьдану до 1949 г., присущи коррупция, вражда к свободе, бюрократизация, узурпация власти. Об этом хорошо сказал Ван Жошуй: «Коррупция сейчас является очень большой проблемой, она очень страшна, намного хуже, чем при Гоминьдане. Люди вроде меня сейчас испытывают чувство утраты. В прежнее время мы боролись с коррупцией Гоминьдана, мы участвовали в революции, вступили в компартию. Но сейчас КПК является куда более коррумпированной, чем Гоминьдан. Почему же так произошло?.. Сейчас и в 50-е годы – мы видим абсолютно две разные партии. Это очень-очень опасно... Раньше, во времена антияпонской войны компартия критиковала Гоминьдан, говоря о том, что при отсутствии культуры нельзя достичь демократии. Посмотрите, похоже ли нынешнее положение на демократию? Крестьяне, даже будучи неграмотными, могут выбирать. К примеру, таким способом: те, кого выбирают, садятся впереди, и позади каждого ставится коробка. Голосующие кладут по одному бобу в коробку того, кого они поддерживают. Можно проводить выборы и таким способом. Крестьяне знают, кто хороший, а кто плохой, хоть они и безграмотны.

Суть заключается в том, что компартия этого не хочет. Все члены ВСНП являются образованными людьми. Но в этом нет демократии. В ВСНП больше всего представителей крестьян, но они не играют никакой роли и не выступают от имени крестьян. Все поддерживают компартию, их задача заключается только в том, чтобы поднимать руку при голосовании» [2].

2. Путь решения проблем современного Китая: демократизация как самой КПК, так и всей политической системы, а также борьба с коррупцией и бюрократизацией, которым демократизация должна способствовать.

При этом взгляды на глубину и темпы изменений различались. Так, Ван Жошуй высказался за постепенные перемены: «Нужно всё проводить постепенно. Я не считаю, что надо однажды в одно прекрасное утро провозгласить демократию. Тогда возникнет беспорядок» [2].

Такого же мнения придерживается и Го Лоцзи, который резко выступил против нелегальной подпольной борьбы с компартией. Согласно Го Лоцзи, Китаю необходимо развитая правовая система, а нелегальная борьба может привести только к новому витку насилия и неуважения к правам человека: «Власть действительно может быть рождена винтовкой, но права человека и демократия – нет. Власть, рождённая от винтовки – это не власть, уважающая права человека и осуществляющая демократию... Коммунистическая партия научила меня подпольной работе, и я знаю, как её вести. Но это устаревшая форма борьбы, и я больше не хочу ей заниматься. Только верховенство закона может создать демократию и права человека. Путь к такому обществу – законный, а не нелегальный» [12, с. 5].

Лю Биньянь, выступая за демократизацию, высказал мнение, что будущая китайская демократия будет отличаться от западных образцов. Отвечая на вопрос об идеальном пути развития страны, он сказал: «Возможно, в Китае должно существовать многообразие экономических составляющих, а именно общественной собственности, частной собственности, рыночной экономики. Это было бы правильным. Проводился бы политический курс на демократию. Но, конечно же, эта демократия не должна и не могла бы быть похожей на западную демократию, или российскую демократию. Эта демократия предполагала бы большее участие народа. Как её создать – здесь необходим новаторский подход... Выборы должны проводиться. Но точно я сейчас об этом говорить не могу. Тем не менее, я думаю, что, во-первых, нужно учитывать специфику Китая, китайского общества, китайской политической жизни». [4]

Наиболее радикально настроенный Ван Жован выступил за немедленную и полную демократизацию. Однако и он считает демократизацию главным инструментом борьбы с коррупцией и бюрократизацией: «Я писал, что только предоставив людям полную демократию, без повсеместного вмешательства руководства, не вызовешь беспорядков. Мнение о неизбежном возникновении беспорядков я считаю „холерой“, которой пугают людей, угрожают им, но это лишь отговорка... Лидеры КПК уже

50 лет руководят Китаем, но до сегодняшнего дня народ не получил никаких свобод, не говоря уже о демократии... Только веря в демократию, можно покончить с этой автократией и властью диктатуры...» [4].

Изучение эволюции взглядов наиболее демократически настроенных старых членов КПК заставляет задуматься над следующей проблемой. Российские исследователи уже отмечали, что курс на «новодемократическую революцию» в 40-е годы был принят КПК не просто в пропагандистских целях. В ней было много его искренних сторонников. А.В. Меликсетов показал, как шла борьба между сторонниками и противниками «новодемократической революции», и её противниками в области экономики. Тогда такие лидеры КПК, как Лю Шаоци, Бо Ибо, Дэн Сяопин выступали за сохранение значительного частного сектора в течение длительного времени, однако они проиграли борьбу своим левачки настроенным оппонентам: Мао Цзэду, Гао Гану и другим. А.В. Меликсетов проводит прямую параллель между позицией сторонников смешанной экономики начала 50-х годов и рыночными реформами 80-х годов, начатыми практически теми же людьми в рамках концепции «первоначально этапа строительства социализма» [8, с. 82–95].

В партии существовали и сторонники курса на «новую демократию», то есть на большую, чем при Гоминьдане, политическую свободу. Именно эта её составляющая и была особенно привлекательна для представителей молодёжи и интеллигенции. Также как и в сфере экономики, её сторонники получили неожиданную поддержку со стороны советского руководства, самого И.В. Сталина. Известно, что советский лидер, видимо, считая Китай слишком отсталым для быстрого перехода к социализму, в 1948 году советовал правительству КПК «в период после победы, длительность которого сейчас трудно определить, национальным революционно-демократическим правительством, а не коммунистическим». Он даже рекомендовал не запрещать забастовок, чтобы не потерять доверия рабочих, не ликвидировать некоммунистические партии, а объединить их в единый фронт под руководством коммунистов, а некоторых их представителей ввести в правительство, объявив его коалиционным. После победы КПК И.В. Сталин не изменил своего мнения. Его собственноручные пометки на письменном докладе делегации ЦК КПК во главе с Лю Шаоци говорят о том, что советский лидер одобрял определение китайского режима как «народно-демократической диктатуры», которая, в отличие от «диктатуры пролетариата», должна включать в себя, кроме рабочих, также и крестьян, мелкую буржуазию и даже представителей организаций «либеральной буржуазии», желающих бороться против империализма, феодализма и бюрократического капитала [7, с. 56, 76, 92–94, 233–234]. Таким образом, курс на демократию, пусть не на демократию западного образца, но всё же на большую свободу дискуссий и открытость общества, с самого начала вовсе не противоречил ни марксизму, ни идеологии КПК. Сторонники «новой демократии» потерпели поражение и были подвергнуты репрессиям, однако после смерти Мао Цзэдуна они были реабилитированы и многие получили видные должности в руководстве.

Примечания

¹ В русском переводе: «К оружию!»

² Видимо, представители консервативной части руководства.

³ Деятель КПК, поднявшийся к вершинам власти на волне «культурной революции». В 1972 году стал председателем пекинского ревкома и Горкома КПК. С 1973 – член Политбюро ЦК КПК. С 1975 г. – заместитель председателя ПК ВСНП. Критиковал Дэн Сяопина. Отправлен в отставку со всех постов в 1978 г.

Источники

1. Интервью с Ван Жованом. Нью-Йорк. 17.01.1998.
2. Интервью с Ван Жошум. Пекин. 07.01.2001.
3. Интервью с Го Лоцзи. Бостон, 03.07.1998.
4. Интервью с Лю Биньянем. Принстон. 08.01.1998.
5. Интервью с Су Шаочжи. Принстон. 14.01.1998.

Литература

6. *Делюсин Л.П.* Исповедь старого коммуниста // XXX научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1999. С. 203.
7. *Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М., 1999.
8. *Меликсетов А.В.* «Новая демократия» и выбор Китая путей социально-экономического развития (1949–1953) // Проблемы Дальнего Востока. 1996, №1. С. 82–95.
9. *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991.
10. *Ван Жован.* Цзыво ганцзюэ лянхао. Ван Жован цзычжуань (Самочувствие прекрасное. Автобиография Ван Жована). Ч. 3. 1949–2001 // Хуанхуаган. 2003, №3. <http://www.huanghuagang.org/hhgMagazine/issue06/big5/24.htm>
11. *Го Лоцзи.* Чжэнчжи вэнги ши кэи таолуньдэ (Политические вопросы можно обсуждать) // Жэньминь жибао. 14.11.1979.
12. *Guo Luoji.* How I Sued the Chinese Communist Party // East Asia Institute, Columbia University. Institute Reports. [N.-Y.] 1993, № 12.
13. *Liu Binyan.* A Higher Kind of Loyalty: a Memoir by China's Foremost Journalist. N.-Y., 1990.